

УДК 81

М. Н. Кулаковский

<https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в поэзии и прозе А. Белого // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1 (24). С. 87–94. DOI 10.20323/2499-9679-2021-1-24-87-94

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций в лирике и прозе А. Белого. Характеризуются основные аспекты анализа вставных конструкций в современном языкознании (описание функциональных особенностей вставных конструкций, их связь с основным содержанием высказывания, рассмотрение вставок как текстообразующего средства, временная и пространственная организация текста, актуализация авторской иронии, средство передачи оценочной информации, организация сравнения, метатекстовый комментарий, информативная актуализация, средство создания диалогичности художественного текста, особенности употребления в конкретных жанрах). В работе определяются наиболее характерные функции вставок в текстах данного автора, связь вставных конструкций с различными текстовыми уровнями, их роль в общей структуре художественного текста. Подробно описаны как наиболее типичные, так и уникальные функции вставок в лирике и прозе А. Белого. Определены основные функциональные особенности вставных конструкций в плане формирования пространственно-временной организации произведения и взаимодействия различных информативных и субъектно-речевых планов текста. Выделены основные аспекты языковой игры в рамках вставных конструкций, а также средства взаимодействия вставок с основным контекстом, представленные в лирике и прозе А. Белого. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что наиболее характерными функциями вставок в лирике и прозе А. Белого являются детализация портрета персонажа, переключение пространственных и временных регистров, организация сравнения, уточнение, передача эмоционально-оценочной информации.

Ключевые слова: вставные конструкции, художественный текст, индивидуально-авторский стиль, экспрессивный синтаксис, функциональные типы вставных конструкций, пространственно-временной план, сравнение, эмоционально-оценочная информация, метафорический образ, взаимодействие речевых планов.

M. N. Kulakovsky

Parentheses in A. Belyi's poetry and prose

The article examines peculiarities of the use of parentheses in A. Belyi's lyrics and prose. The author describes the main aspects of analysing parentheses in modern linguistics: description of their functional features, their link with the main body of the statement, parentheses as text forming means, time and space organization of the text, realization of the author's irony, means of conveying evaluative information, ways of comparing, metatextual comment, informative actualization, means of creating a dialogue in a fiction text, usage parentheses in particular genres. This study identifies the most characteristic functions of parentheses in A. Belyi's texts, the connection of parentheses with different textual levels and their role in the overall structure of the literary text. Both the most typical and unique functions of parentheses in A. Belyi's works are described in detail. The main functional features of parentheses are defined in terms of space and time organization of the text and the interaction of various informative and subjective speech plans of the text. The article outlines the main aspects of language game within the framework of parentheses, as well as the means of interaction between the parentheses and the main context, presented in the poetry and prose of A. Belyi. The analysis suggests that the most typical functions of the parentheses in A. Belyi's works are detailed portrayal of the character, switching space and time registers, making comparisons, clarification, and conveying emotional and evaluative information.

Keywords: parentheses, literary text, individual author's style, expressive syntax, functional types of parentheses, space-time plan, comparison, emotional evaluation, metaphorical image, interaction of speech plans.

Введение

Материалом нашего исследования послужило творчество Андрея Белого, которое, как отмечает

Н. Г. Шарапенкова, «во многом определило развитие русской и европейской литературы XX века в их обращенности к глобальным антропологическим проблемам и в области принципиального

обновления повествовательных форм» [Шарапенкова, 2020, с. 30]. Именно в этот период русская литература «реализовала невиданный до того времени эстетический эксперимент, затронувший всю структуру художественного текста, вплоть до его звуковой, интонационной, цветовой и визуальной организации» [Шарапенкова, 2020, с. 25].

Основные аспекты анализа вставных конструкций

Яркой особенностью стилевой манеры А. Белого является активное использование им вставных конструкций. Следует отметить, что вставки в последнее время становятся объектом пристального изучения многих исследователей.

Отмечается, что паратеза – «сложное и многогранное явление, которое рассматривается как с позиций языка, так и с точки зрения речевой деятельности (устной и письменной). В первом случае паратеза относится к синтаксическим средствам языка, а во втором – композиционно-стилистическим» [Арзямова, 2020, с. 183].

При этом рассматриваются различные текстообразующие функции вставок. Так, Е. В. Булатая отмечает, что «актуализация иронии посредством вставных конструкций в произведениях Н. В. Гоголя осуществляется на основании возникающего противоречия между смысловой составляющей вставной конструкции и контекстом, который она поясняет или дополняет. При этом вставные конструкции как экспликативы иронии служат реализации определенной прагматической установки автора» [Булатая, 2020, с. 31].

Анализируя сказки Ф. Н. Свиньина, А. М. Дундукова приходит к выводу, что «обилие вставных и ремарочных конструкций – следствие влияния книжной традиции на устное народное творчество» [Дундукова, 2018, с. 605–606].

Рассматриваются вставки и как средство «аранжировки» текстового пространства. В частности, И. В. Столярова подчеркивает, что вставка «нарушает линейность изложения и является синтаксическим способом обнаружения многомерности художественного текста. Анализ ВК выходит на уровень авторской стратегии, где проявляется доминирование плана персонажа, часто заглушающего голос автора» [Столярова, 2018, с. 329].

С понятием художественного пространства неразрывно связано и понятие художественного времени. Как отмечает О. В. Янковская, «вставки являются важным текстовым элементом, связывающим различные временные и пространственные характеристики предметов, опосредованно

соотносят события с разными объектами, реализуя пространственно-временную перспективу высказываний, определяют роль субъекта в повествовании» [Янковская, 2009, с. 69].

Таким образом, вставные конструкции позволяют актуализировать определенную текстовую информацию. «Паратеза как процесс – это один из способов актуализации содержания высказывания, прием экспрессивного синтаксиса, характерный для прозы «актуализирующего» типа, «работающий» наряду с парцелляцией и сегментацией» [Князева, 2020, с. 48].

Важную роль играют вставки и при передаче оценочной информации. «Лингвокультурологический потенциал парентетических конструкций заключается в высокой степени выражения модальности данными синтаксическими единицами, что обеспечивает не только предикативность, но и эмоционально-экспрессивную оценку текста автором. При этом данные синтаксические конструкции позволяют оформить не только само изложение текста, но и его авторскую интерпретацию» [Антонова, 2014, с. 15].

«Стоит также отметить способность парентетических конструкций реализовывать диалогичность письменного текста, что также можно отнести к текстообразующим свойствам синтаксических единиц» [Антонова, 2012, с. 31].

Активно употребляются вставные конструкции и в современной прозе (подробнее об этом см.: [Кулаковский, 2013]). Это определяется тем, что «в современном художественном дискурсе, особенно в монологической речи, всё чаще наблюдается так называемый «интеллектуализированный» характер сложного или намеренно усложненного синтаксиса» [Арзямова, 2015, с. 157].

Объектом исследования становится проза Д. Рубиной [Клепикова, 2017], Д. Быкова [Туранова, 2017] и других современных авторов.

Так, анализируя метатекстовую структуру романа В. Е. Максимова «Кочевание до смерти», Л. С. Старикова выделяет следующие функции вставных текстов. «Во-первых, актуализация интертекстуального диалога, как в случае с эпиграфом (смысломоделлирующий элемент); во-вторых, документально-историческая функция подлинности исторического факта (воздействие на читателя); в-третьих, комментарий ко всему тексту, способ завершения романа (структурное построение)» [Старикова, 2018, с. 56].

Сопоставление функций вставных конструкций у разных авторов позволяет выявить основные особенности индивидуально-авторского сти-

ля. Например, анализ прозы В. В. Набокова показывает, что наиболее характерными функциями вставок, представленных в текстах данного автора, являются: «1) сообщение дополнительной информации, необходимой для адекватного восприятия мысли, передаваемой основным высказыванием; 2) комментирование сообщаемого в основном высказывании; 3) уточнение, разъяснение информации, переданной основным высказыванием в целом или его фрагментом; 4) представление содержания основного высказывания в более лаконичной или, наоборот, более развернутой форме; 5) усиление впечатления от высказывания; 6) оценка сообщаемого в основном высказывании» [Сафонова, 2017, с. 95].

Таким образом, описание функционального потенциала представляется одним из важнейших аспектов изучения вставных конструкций (подробнее об этом см.: [Кулаковский, 2014]).

Вставные конструкции в творчестве Андрея Белого

Следует отметить, что вставные конструкции обычно играют важную роль в структуре прозаических текстов. Для лирики же в целом вставочность менее характерна, поскольку она нарушает ритмико-интонационную целостность поэтического текста. Однако именно поэтому экспрессивность вставок в поэзии проявляется более отчетливо. Цель нашего исследования – проследить, какие функциональные особенности употребления вставных конструкций последовательно проявляются в лирике и прозе А. Белого.

Анализируемые вставные конструкции мы рассматриваем с точки зрения конструктивного синтаксиса и понимаем под ними определенную часть текста, заключенную в скобки и используемую для передачи «дополнительных сведений, не являющихся необходимыми для понимания информации, изложенной в основном предложении, для передачи мыслей, возникающих у пишущего по ассоциации» [Акимова, 1990, с. 59].

Значимой особенностью прозы А. Белого является передача с помощью вставки портретной характеристики персонажа: ... *Нервно дрожала губа (губы были брусничного цвета)* ... (Московский чудак) [Белый, 1989].

При этом характерным является выделение такой портретной детали, как лоб персонажа: ... *Растет этот лобик (шарок этот лобик)* ... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Вставка может передавать определенную деталь портретной характеристики и через сопо-

ставление с другими персонажами: ... *Подпирая свой нос и свои два очка к подбородку Быкаенки (он его выше), на цыпочки встает ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В некоторых случаях, когда точная деталь уже указана в основном контексте, вставная конструкция может содержать исключительную характеристику, которая актуализирует определенную, значимую в структуре текста информацию: ... *Его [папина] голова <...> доверчиво нам удивлялась совсем голубыми глазами (не карими)*... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В лирике, как и в прозе, также характерным является использование вставок, детализирующих портрет персонажа: «...*Мы – умерли, / Мы – / Поверья: / Нас кроют столетий рвы.*» / *Пошел... / (Закачались / Перья / Вкруг его стальной головы.)* (Перед старой картиной) [Белый, 1990б].

При этом подобная информация, представленная во вставке, часто связана с описанием определенной детали одежды, скрывающей голову персонажа: *Идет (приподнял ворот) / К дежурству – изнемочь. / Вдали уездный город / Кидает светом в ночь.* (Телеграфист) [Белый, 1990б]. *Кто там, всклокоченный шинелью, / Скрыв озабоченный свой взор, / Прошел пророческой метелью / (Седую головой – в бобер)*... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Актуализация определенной детали может взаимодействовать с общим метафорическим контекстом, с одной стороны – конкретизируя зрительный образ, а с другой – распространяя метафору и на другие детали: *Мои мистические дали / Смычком взрывались заливным, / Смычком плаксивым и родным – / Смычком профессора Гржимали: / Он под Васильем Ильичом / (Расставив ноги калачом), – / Который, – / – чаля из эонов / На шар земной – объятый тьмой, / Рукою твердой на тромбонах / Плышет назад – в Москву, домой...* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Аналогичное явление наблюдаем и в прозе, когда вставная конструкция содержит оценочную метафорическую характеристику: *Глаза (пьявки!) – впились...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Подобная образная деталь может быть представлена и в рамках общей характеристики персонажа: ... *Странно было бы полагать, чтобы столь дородная купчиха (да еще в придачу лепеха, и не просто лепеха, а лепеха с земляничкой на губе) предавалась любострастным утехам ...* (Серебряный голубь) [Белый, 1990а].

Для прозы (в отличие от поэзии) более харак-

терна обратная трансформация, когда механизм создания метафорического образа, представленного в рамках основного контекста, мотивируется во вставке: *Не дразните: стрельнет он иглой (шаровая поверхность его головы походила на шарик от лейденской банки); и гвозди летали...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Подобная мотивированность может строиться на основе сравнения: ... *Стал слезать с меня мрак (как со змееныша кожа змееныша) ...* (Котик Летаев) [Белый, 1990а].

В некоторых случаях расширенное сравнение является ключом к пониманию образной информации основного предложения, мотивирующей основой метафоры («закапываются фигуры» – «закапывается словами» в следующем примере): *И потому-то: когда закатается папа словами (такрой деревянных фигур закатается в шахматном ящике), – память моя убегает...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Кроме того, для прозаического текста более характерно и соединение в рамках вставки различных характеристик персонажа: *Старый профессор (болтун, либерал, австрофил) ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Менее последовательно используются вставки, указывающие на физическое или психическое состояние персонажа. При этом они обычно мотивируют определенные действия героя: *На умирающей заре / Упала (тяжело ей и дурно) / В сырой росе, как серебре, / Над беломраморной урной. (Судьба)* [Белый, 1990б].

Зрительная или тактильная деталь, представленная во вставке, также может быть связана с передачей внутреннего состояния: *Прикоснулась ручка (была холодна, как ледок)* (Московский чудак) [Белый, 1989].

Сон персонажа или лирического героя тоже может быть объектом детализации во вставной конструкции, которая не только конкретизирует создаваемый образ, но и переводит его в метафорический план восприятия: *Я засыпал... (Стремительные мысли / Какими-то спиралями неслись; / Приоткрывалась в сознающем смысле / Сознанию неявленная высь)...* (Дух) [Белый, 1990б].

Вставная конструкция может отсылать читателя к определенной ситуации, связанной с описываемым персонажем. При этом наблюдается переключение временного плана, которое может сопровождаться эмоциональным авторским комментарием или оценкой: *О. М., жена его, – мой друг, / Художница – / – (в глухую осень / Я с*

ней... Позвольте – да: лет восемь / По вечерам делил досуг)... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Оценка, характеризующая определенное действие, может быть усилена с помощью актуализации его результативности: *Сердит, убит и возмущен / Тем, что природа не воскресла, / Что сеют те же господа / Атомистические бредни, / Что декаденты – да, да, да! – / Свершают черные обеды / (Они пустое решето: / Козлят не с Музой – с сатириессой, / И увенчают их за то / Патриотическая пресса)...* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Для прозы переключение временного плана является достаточно характерным явлением. В некоторых случаях, конкретизируя ситуацию или определенного персонажа, повествователь намеренно не называет их, заставляя читателя самостоятельно вспомнить предтекст: – *Между тем: до... до... до... до «того» (того самого)...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Последовательно представлено и переключение с помощью вставок временных регистров с плана настоящего повествования в основном предложении на план реального или моделируемого будущего во вставке: *И вот – бирюза от кольца отлетела (кольцо будет отдано в чинку к Распопову, мастеру дел золотых, – на Арбат)* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а]. *Так кричать не умеет младенец (так кричать будет после он)* (Котик Летаев) [Белый, 1990а].

Указание на следствие также может служить формальным показателем временной модификации. При этом в основном предложении обычно представлено определенное событие в жизни персонажа (или повествователя), а вставка актуализирует привычку (или чувство), оставшуюся от данного события: ... *И освящает обряд водопития бегами мудрого слова (так: у меня уважение к воде) ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Подобное указание на следствие может проявляться и как мотивировка определенной детали, представленной в основном контексте. В этом случае в основном предложении обычно подчеркивается деталь, связанная с изменением во внешности или одежде персонажа, а вставная конструкция мотивирует ее, актуализируя следствие действия, с которым связано это внешнее изменение: *Папочка, громко отшаркав, сажает меня на колени; он – в форменном фраке (сорвется на лекцию) ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В лирическом тексте создаваемые образы времени могут приобретать самостоятельную худо-

жественную ценность: *Невзрачно / Сложимся под пологом окна, / Над Майей месячной, над брошеною брызною, – / Всего на миг один – / (А ночь длинна – / Длинна!) – / Всего на миг один: / Сияющею жизнью* (Бессонница) [Белый, 1990б].

Кроме того, временное перемещение может быть подчеркнуто метафорическим: *Ты мне давно, давно знаком – / (Знаком, быть может, до рожденья) – / Янтарно-розовым лицом, / Власы колеблющим перстом...* (Вячеславу Иванову) [Белый, 1990б].

В других случаях может одновременно наблюдаться и изменение плана восприятия: *И – длиннополым сюртуком / (Добычей, вероятно, молли) – / Знаком до ужаса, до боли!* (Вячеславу Иванову) [Белый, 1990б].

Временная организация текста тесно связана с организацией пространственной. В частности, повествование в предложении со вставкой может быть связано с одним или разными пространственными планами. Вставные конструкции регулярно используются для переключения пространственных планов или укрупнения одного из них.

Характерным для вставных конструкций является укрупнение пространственного плана. В этом случае можно говорить о формальном приближении к рассматриваемому объекту с целью обратить внимание на его детали: *Мамочка свои руки разведет (с полотенцем – одна и с флаконом – другая); и – кланяется головою в колени...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Вставные конструкции в тексте художественного произведения могут выступать и в качестве конкретизаторов, характеризующих степень заполненности пространства. При этом одновременно наблюдается изменение направленности восприятия, укрупнение зрительного плана и переход в «воображаемое пространство»: *Закусается после надолго квартира (и здесь муравейчик, и там муравейчик)...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Достаточно типичным для лирического текста является присутствие во вставных конструкциях эмоционально-оценочной информации. Чаще всего вставки передают авторские восклицания по поводу информации, представленной в основном контексте: *Душа, Ты – свет. / Другие – (нет и нет!) – / В стихиях лет: / Поминовенья света... / Другие – нет... Потерянный поэт, / Найди Ее, потерянную где-то* (Ты – тень теней) [Белый, 1990б].

При этом характерным способом усиления эмоциональности является повтор лексемы во

вставке: *Так это ты (ужель, ужель!), / Моя серебряная дева / (Меня лизнувшая метель / В волнах воздушного напева)...* (Я это знал) [Белый, 1990б].

В качестве характеризующего элемента может употребляться и традиционная фразеологическая конструкция: *Не терпится кокетке / (Семь бед – один ответ). / Пришпилила к жилетке / Ему ромашкин цвет* (Поповна) [Белый, 1990б].

Эмоциональная информация, представленная во вставке, может характеризоваться синкретичностью, соединяя в себе оценку автора и персонажа: *Детишки бьются в школе / Без книжек (где их взять!): / С семьей прожить легко ли / Рублей на двадцать пять...* (Телеграфист) [Белый, 1990б].

В прозе информация эмоционально-экспрессивного характера представлена во вставках также достаточно последовательно. Наиболее распространенной здесь является собственно оценочная информация: *Но тетя долдонит с достоинством (гордая девушка!)* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

При этом повествователь в рамках оценки может сопрягать разные элементы прямой речи, осуществляя тем самым взаимодействие субъектно-речевых планов: *Всего более это «свое» («вот такое вот», жуткое) – в папочке ...* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Характерной функцией вставных конструкций является организация сравнения: *Угрюмая, она / Сошла в угрюмой ноци: / Она, беспомощно / Склоняясь на миштый пень, – / Внемя волнению волн / (Как роицут, взроицут роици), – / В приливе тьмы молчит: / Следит, как меркнет день* (Прости) [Белый, 1990б].

При этом в лирическом тексте большую значимость приобретает созвучие сопоставляемых лексем: *И ночь встает: тенит, / И тенью лижет ближе, / Потоком (током лет) / Замое свет... Прости! / Замое током лет / В пути тебя... Прости же – / Прости!* (Прости) [Белый, 1990б].

В качестве актуализирующего средства могут использоваться синтаксический параллелизм и анафора: *И Благородное собрание, – / Как мир – родной (как мир весной), / Как старой драмы замيرانье...* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Интересно отметить, что в лирике А. Белого встречаются вставные конструкции, включающие несколько сравнений и выстраивающие их в цепочку развернутых метафорических образов: *Вы, сестры – / (Ты, Любовь – как роза, / Ты, Вера, –*

трепетный восторг, / Надежда – лепетные слезы, / София – горный Сведенборг!)... (Первое свидание) [Белый, 1990б]. Традиционно вставки организуют переход от информативного плана восприятия к метафорическому. В прозе такие переходы представлены достаточно последовательно: *Переполен зверями рот папы (и я – озвещулся)* ... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В других случаях вставка может детализировать метафорический образ, представленный в основном контексте: *Вот носороги идут коридором (буфет задубасил стопами: подпрыгнули бюстики); то из дверей – голованится папа* ... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

В лирическом тексте гораздо чаще может наблюдаться взаимодействие различных метафорических планов, представленных в основной части высказывания и во вставке: *Так это ты (ужель, ужель!), / Моя серебряная дева / (Меня лизнувшая метель / В волнах воздушного напева)*... (Я это знал) [Белый, 1990б].

Типичной для вставок является уточняющая функция. Уточнение в рамках вставных конструкций может быть организовано как перечисление составных компонентов определенного понятия. Появление подобного уточнения во вставке обычно мотивируется обобщающим характером, абстрактностью или неопределенностью значения одного из понятий основного контекста: *... В книгу стремясь, забегают знакомые наши – все, все (Берендеевы, Береневы, Бурневы, Бернилины, Бернички, Берновы, Берши, Берсеевы – многие сотни их!)*... (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Характерная для прозы функция уточнения в лирическом тексте представлена менее последовательно: *Что над Россией – тайный враг / (Чума, монголы, эфиопы), / Что земли портящий овраг / Грызет юго-восток Европы*... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

При этом уточнение в лирике часто носит метафорический характер: *Душа. Метет душа, – / Взметаёт душный полог, / Воздушный (полог дней / Над тайной тайн дневных)*... (Прости) [Белый, 1990б].

Вставная конструкция может выполнять и функцию замещения незначимого в рамках текста зрительного образа: *Да, – и опора в детской вере, / И Провидения рука – / На этой вычищенной двери / Литая, медная доска: / Михал Сергеевич Соловьев / (С таких-то до таких часов)* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

В некоторых случаях автор может обратить внимание на речевое оформление высказывания:

Трех лет, ну право же-с, ей-богу-с, – / Трех лет (скажу без лишних слов), / Трех лет ему открылся Логос, / Шести – Григорий Богослов... (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Следует отметить, что в лирическом тексте автор большее внимание уделяет фонетической организации вставки. В частности, значительно чаще используется повтор внутри вставной конструкции: *Не упадет на ваши бельма / (Где жизни нет – где жизни нет!) – / Не упадет огонь Сент-Эльма / И не обдаст Дамасский свет* (Первое свидание) [Белый, 1990б].

Кроме того, может быть использован и сквозной повтор: *Плыву туда – за дымку дней, – зову, / За дымкой дней, – нет, не Тебя: бывшее, – / Которое я рву / (в который раз), / Которое, – в который / Раз восходит*... (Ты – тень теней) [Белый, 1990б].

Подобное тесное взаимодействие вставной конструкции с основным контекстом последовательно наблюдается и в прозе А. Белого (например, взаимодействие омонимов или многозначных слов): *... И явственно слышится звук белендрасов, строчимых на швейной машинке (строчится экспромт: маскарадный костюм)* (Крещеный китаец) [Белый, 1990а].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ показал, что использование вставных конструкций является важной особенностью индивидуально-авторского стиля А. Белого. Наиболее характерными функциями вставок в лирике и прозе А. Белого являются детализация портрета персонажа, переключение пространственных и временных регистров, организация сравнения, уточнение, передача эмоционально-оценочной информации.

Библиографический список

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. Москва : Высшая школа, 1990. 166 с.
2. Антонова В. В. О лингвокультурологическом потенциале синтаксических конструкций русского языка (на примере парентезы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 4. С. 12–16.
3. Антонова В. В. О текстообразующем потенциале парентезы в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2012. № 2. С. 30–34.
4. Арязмова О. В. Динамические тенденции в синтаксисе русской художественной прозы начала XXI века // Известия Воронежского государственного пе-

дагогического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (267). С. 156–159.

5. Арзамова О. В. Функционально-смысловая роль парантезы в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 3 (288). С. 183–186.

6. Белый А. Котик Летаев // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990а. С. 307–460.

7. Белый А. Крещеный китаец // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990а. С. 461–604.

8. Белый А. Московский чудац // Москва. Москва : Советская Россия, 1989. С. 17–192.

9. Белый А. Серебряный голубь // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990а. С. 31–306.

10. Белый А. Сочинения. В 2-х т. Москва : Художественная литература, 1990б.

11. Булатая Е. В. Вставные конструкции как маркер актуализации иронии в произведениях Н. В. Гоголя: прагматический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2020. № 1. С. 25–32.

12. Дундукова А. М. Вставные и ремарочные конструкции в «Избранных сказках Ф. Н. Свиньина» // Притяжение Севера: язык, литература, социум. Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2018. С. 602–607.

13. Клепикова В. И. Вставные конструкции в произведениях Д. Рубиной: специфика функционирования // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 14. С. 84–91.

14. Князева Н. В., Королькова Е. Е. Парантеза как способ актуализации информации в художественном тексте // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61–8. С. 44–48.

15. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в современном художественном тексте: традиции и новые тенденции функционирования // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Том I (Гуманитарные науки). С. 138–142.

16. Кулаковский М. Н. Функции вставных конструкций в художественном тексте // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1. Том I (Гуманитарные науки). С. 88–92.

17. Сафонова С. С., Чупрякова О. А. Функционально-семантический статус парантез в художественном дискурсе В. В. Набокова // Филология и культура. 2017. № 1 (47). С. 91–96.

18. Старикова Л. С. Метатекстовая структура и способы ее выражения в романе В. Е. Максимова «Кочевание до смерти» (1994) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 53–58.

19. Столярова И. В. Вставные конструкции как средство аранжировки текстового пространства в романе А. Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него» // Печать и слово Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2018. С. 324–329.

20. Туранова А. Ю. Вставные конструкции в биографической прозе Д. Быкова (на материале биографии В. Маяковского) // Philology. 2017. № 1. С. 72–74.

21. Шарапенкова Н. Г. «Орнамент оттенков»: о символике цвета в романе Андрея Белого «Москва» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 25–33.

22. Янковская О. В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа (на материале рассказов Т. Толстой) // Вестник БДУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 68–71.

Reference List

1. Akimova G. N. Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo jazyka = Novelties in the syntax of the modern Russian language. Moskva : Vysshaja shkola, 1990. 166 s.

2. Antonova V. V. O lingvokul'turologicheskom potencie sintaksicheskikh konstrukcij russkogo jazyka (na primere parentezy) = On the linguo-cultural potential of Russian syntactic constructions (on the example of parenthesis) // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2014. № 4. S. 12–16.

3. Antonova V. V. O tekstoobrazujushhem potencie parentezy v sovremennom russkom jazyke = On the text-forming potential of parenthesis in contemporary Russian // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2012. № 2. S. 30–34.

4. Arzjamova O. V. Dinamicheskie tendencii v sintaksise russkoj hudozhestvennoj prozy nachala XXI veka = Dynamic trends in the syntax of Russian fiction in the early 21st century // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. № 2 (267). S. 156–159.

5. Arzjamova O. V. Funkcional'no-smyslovaja rol' parantezy v romane G. Sh. Jahinoj «Deti moi» = The functional and semantic role of paranthesis in G. Sh. Yakhina's novel My Children // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 3 (288). S. 183–186.

6. Belyj A. Kotik Letaev = Kotik Letaev // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990a. S. 307–460.

7. Belyj A. Kreshhenyj kitaec = The baptised Chinese // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990a. S. 461–604.

8. Belyj A. Moskovskij chudak = A Moscow eccentric // Moskva. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1989. S. 17–192.

9. Belyj A. Serebrjanyj golub' = The silver pigeon // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990a. S. 31–306.

10. Belyj A. Sochinenija. V 2-h t. = Works. In 2 vols. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990b.

11. Bulataja E. V. Vstavnye konstrukcii kak marker aktualizacii ironii v proizvedenijah N. V. Gogolja: pragmaticheskij aspekt Parenthesis as a marker of irony in Gogol's works: a pragmatic aspect // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija. 2020. № 1. S. 25–32.

12. Dundukova A. M. Vstavnye i remarochnye konstrukcii v «Izbrannyh skazkah F. N. Svin'ina» = Parenthetical and remark structures in F. N. Svinin's Selected Tales // Pritjazhenie Severa: jazyk, literatura, socium. Petrozavodsk : Izdatel'stvo PetrGU, 2018. S. 602–607.
13. Klepikova V. I. Vstavnye konstrukcii v proizvedenijah D. Rubinoj: specifika funkcionirovanija = Parenthetical constructions in D. Rubina's works: specifics of functioning // Aktual'nye problemy filologii. 2017. № 14. S. 84–91.
14. Knjazeva N. V., Korol'kova E. E. Paranteza kak sposob aktualizacii informacii v hudozhestvennom tekste = Paranthesis as a way of actualising information in literary text // Tendencii razvitija nauki i obrazovanija. 2020. № 61–8. S. 44–48.
15. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii v sovremennom hudozhestvennom tekste: tradicii i novye tendencii funkcionirovanija = Parenthetical constructions in contemporary fiction: traditions and new tendencies of functioning // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. № 2. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 138–142.
16. Kulakovskij M. N. Funkcii vstavnyh konstrukcij v hudozhestvennom tekste = Functions of parenthetical constructions in literary text // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. № 1. Tom I (Gumanitarnye nauki). S. 88–92.
17. Safonova S. S., Chuprjakova O. A. Funkcional'no-semanticheskij status parantez v hudozhestvennom diskurse V. V. Nabokova = The functional and semantic status of parentheses in V. Nabokov's literary discourse. // Filologija i kul'tura. 2017. № 1 (47). S. 91–96.
18. Starikova L. S. Metatekstovaja struktura i sposoby ee vyrazhenija v romane V. E. Maksimova «Kochevanie do smerti» (1994) = Meta-textual structure and the ways of its expression in V. E. Maximov's novel «Nomad to the end» (1994) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 435. S. 53–58.
19. Stoljarova I. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo aranzhirovki tekstovogo prostranstva v romane A. Sal'nikova «Petrovy v grippe i vokrug nego» = Parenthetical constructions as a means of arranging textual space in A. Salnikov's novel The Petrovs in and Around the Flu // Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyshlennyh tehnologij i dizajna, 2018. S. 324–329.
20. Turanova A. Ju. Vstavnye konstrukcii v biograficheskoj proze D. Bykova (na materiale biografii V. Majakovskogo) = Parenthetical constructions in D. Bykov's biographical prose (based on Mayakovsky's biography) // Philology. 2017. № 1. S. 72–74.
21. Sharapenkova N. G. «Ornament ottenkov»: o simbolike cveta v romane Andreja Belogo «Moskva» = «Ornament of shades»: on the symbolism of colour in Andrei Bely's novel «Moscow» // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 42. № 3. S. 25–33.
22. Jankovskaja O. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo realizacii kategorii hronotopa (na materiale rasskazov T. Tolstoj) = Parenthetical constructions as a means of chronotope category realisation (based on T. Tolstaya's short stories) // Vesnik BDU. Ser. 4. 2009. № 3. S. 68–71.